

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные тенденции

Военный переворот в Египте 2013 г. и отстранение «Братьев-мусульман» от власти, к которой они пришли законным путем, значительно изменили настроения среди исламистов, подорвали у многих из них веру в мирный путь «врастания» в политическую жизнь. В итоге многими исламистами сделаны неверные выводы из последних событий. Тарек Осман считает это очень серьезным переломом и, возможно, поворотным пунктом. Он пишет о том, что исламисты возвращаются к жертвенности, то есть террору, рискуют попасть в тюрьму, тогда как им необходимо перестраиваться. Они возвращаются к идее влиять на мораль общества вместо участия в политической жизни. Вследствие этого ситуация «откатывается» назад, к началу политической эволюции исламистов, нарастает опасность новой радикализации ислама. Это уменьшает значение их недавнего политического успеха (в 2011–2013 гг.) и сокращает надежды на политический успех в дальнейшем (см.: Osman 2016: 244–248).

В этой связи Т. Осман говорит о дилемме, которая стоит перед исламистами. Те из них, которые возвращаются к строгим нормам ислама, консерватизму, могут не найти понимания у молодежи, которая начинает мыслить и жить по-другому. По мнению Османа, исламская молодежь уже не готова к слепому подчинению, как раньше. Напротив, большие группы молодежи склонны к инновационному пониманию ислама (*Ibid.*: 245–246).

И действительно, то, что является силой исламистов, может стать их слабостью в случае, если часть молодежи потеряет к ним интерес. Кроме того, тот факт, что молодежь является опорой исламистов, дает шанс надеяться, что по мере взросления и тем более старения этих молодых когорт социальная опора исламизма будет сокращаться*. Поэтому можно согласиться, что исламизм – явление

* Существует значимая, хотя и не столь сильная, корреляция между возрастом сторонников исламизма и их принадлежностью к умеренному или радикальному исламизму. Политически радикальные мусульмане немного моложе умеренных. Примерно 21 % политически умеренных и 26 % политических радикалов моложе 24 лет (от 18 до 24 лет) (Achilov, Sen 2017: 618).

переходного периода (Yapp 2004: 181). Но необходимо ясно понимать, что по времени этот переход все же довольно длительный. Малкольм Япп пишет, что исламизм является феноменом переходного периода по двум причинам: во-первых, он связан с модернизацией и его позиции могут ослабеть, как только мобилизованные мужчины и женщины приспособятся к новой ситуации; во-вторых, он характерен для молодых, а молодость проходит. Пик рождаемости на мусульманских территориях прогнозируется на 2025 г., а затем, по прогнозам исследователя, мусульманское население, как и во всем остальном мире, начнет стареть (*Ibid.*). Япп не рассматривает процесс старения как такой, который все решит естественным путем, но полагает, что благодаря ему проблемы смягчения радикализма можно будет решать более успешно (*Ibid.*). В сроках М. Япп несколько ошибся, старение населения на мусульманских территориях уже началось (UN Population Division 2017), но мы согласны, что исламизм не вечен и его база будет так или иначе таять.

В любом случае борьба за молодежь – важнейший фронт в исламизме, на котором государство и светские организации должны делать многое. А умеренным исламистам необходимо по возможности еще более смягчить строгость идеологических догматов, чтобы успешнее вписаться в современный политический ландшафт. Таким образом, исламизм стоит на пороге изменений, хотя опасность его радикализации по-прежнему актуальна. Но мы надеемся, что по мере развития общества исламизм начнет все активнее трансформироваться в постисламизм. Этому должны способствовать и процессы глобализации (см.: Гринин 2019в).